

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

ДОСТОЕВСКИЙ В ЭПОХУ НОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Мы живем в эпоху нового мышления. Ибо наше столетие — время величайших научно-технических и социальных преобразований в жизни человечества — подтвердило, что все мы — люди одной планеты и одной судьбы. Опыт последних десятилетий неопровержимо доказал, что применение термоядерной энергии — и притом не только в военных, но и в мирных целях — может в условиях вражды, взаимного недоброжелательства и соперничества народов привести мир к порогу ядерной катастрофы. Неразумное и недостаточно продуманное вмешательство человека в жизнь окружающей природы ведет к загрязнению океанов, морей, рек, той атмосферы, которой мы дышим, к хищническому истреблению лесов, окружающей нас фауны и флоры. Никогда еще человечество не достигало такой высокой ступени развития производительных сил, и вместе с тем народы многих развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки испытывают величайшие голод и нужду. Постоянно возникают новые региональные войны. Находясь на вершине цивилизации, мы вместе с тем, как никогда прежде, ощущаем нашу незащищенность, возможность гибели всего того великого и бессмертного, что создано человеческой цивилизацией и культурой, от угрозы ядерной или экологической катастрофы.

В этих условиях необычайно возрастает роль единства, духовной сплоченности людей и народов перед лицом грозящей нашей планете опасности уничтожения. *Ибо все в мире взаимосвязано.* Лишь осознав взаимную связь всего живого, нашу ответственность за жизнь каждого человека на земле, мы сможем действительно бороться за будущее нашей страны и всего человечества.

«Уверяют, — говорит старец Зосима в житии, составленном «с собственных слов его» Алексеем Карамазовым, — что мир чем далее, тем более единится, слагается в братское общение тем, что сокращает расстояния, передает по воздуху мысли. Увы, не верьте такому единению людей. Понимая свободу как приумножение и скорое утоление потребностей, искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и

нелепейших выдумок. Живут лишь для зависти друг к другу, для плотоугодия и чванства. Иметь обеды, выезды, экипажи, чины и рабов-прислужников считается уже такою необходимостью, для которой жертвуют даже жизнью, честью и человеколюбием, чтоб утолить эту необходимость, и даже убивают себя, если не могут утолить ее. У тех, которые небогаты, то же самое видим, а у бедных неутоленные потребности и зависть пока заглушаются пьянством < . . . > вместо свободы впали в рабство, а вместо служения братолюбию и человеческого единению впали, напротив, в *отъединение* и уединение < . . . > А потому в мире все более и более угасает мысль о служении человечеству, о братстве и целостности людей < . . . > И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше» (14, 284—285).

Все эти мысли Достоевского чрезвычайно важны для нашего времени.

«Любите < . . . > и целое и каждую песчинку, — продолжает Достоевский устами старца Зосимы. — Каждый листик, каждый луч божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну божью постигнешь в вещах < . . . > И полюбишь наконец весь мир уже всецелою, всемирною любовью. Животных любите: им бог дал начало мысли и радости безмятежную < . . . > Человек, не возносись над животными < . . . > Деток любите особенно, ибо они тоже безгрешны, яко ангелы, и живут для умиления нашего, для очищения сердец наших и как некое указание нам . . . » (14, 289). «Непременно будет так, что придет срок и сему страшному уединению, и поймут все разом, как неестественно отделились один от другого. Таково уже будет веяние времени, и удивятся тому, что так долго сидели во тьме, а света не видели» (14, 276).

С законной исторической гордостью мы можем сказать, что глаза и слух всего мира прикованы сегодня к Москве. Слова «перестройка», «гласность» стали самыми популярными во всем мире. И для нас сделалось очевидным, что рост любви и уважения к наследию Достоевского и дальнейшие перспективы развития науки о нем в СССР и во всем мире также неразрывно связаны с переживаемой нами перестройкой нашего сознания. Общеизвестно, что основатель Советского государства В. И. Ленин высоко ценил художественную классику, подчеркивая приоритетное значение общечеловеческих ценностей над ценностями узконациональными и классовыми. Не случайно поэтому имена Достоевского и Толстого заняли первые места в утвержденном Лениным списке деятелей русской и мировой культуры, которым он считал нужным воздвигнуть памятники в целях пропаганды их наследия, утверждения их национального и всемирно-исторического значения. В первые же годы после Октябрьской революции в РСФСР развернулась огромная плодотворнейшая работа по изданию и изучению Достоевского. Именно в эти годы появились труды Л. П. Гроссмана, В. Л. Комаровича, В. В. Виноградова, А. С. Долинина, А. П. Скафтымова, М. М. Бахтина и других наших ученых, создавшие прочную научную базу для дальнейшего научного изучения жизни и творчества писателя. В Центральном архиве были сосредоточены его автографы, началось и осуществлялось до середины 30-х гг. плано-

мерное изучение его рукописного наследства. В конце 20-х—начале 30-х гг. было выпущено безупречное в текстологическом отношении, стоящее на уровне высших мировых стандартов текстологии и эдичионного дела издание Собрания сочинений Достоевского под редакцией Томашевского и Халабаева. Однако в последующее время сталинизм нанес тяжелый удар развитию нашей достоевистики. Было остановлено уже начатое издательством «Academia» издание «Бесов», прервано осуществлявшееся А. С. Долининым издание писем Достоевского. Достоевский был объявлен политическим реакционером, изменником делу революции, и это ложное представление оказало влияние даже на таких серьезных, крупных литературоведов, как В. Шкловский и Л. Гроссман. Ни для одного из русских классиков режим сталинизма не создал такого трагического положения, как для Достоевского. Постепенно он был вытеснен из школьных программ, а появление в 1947 г. новых монографий о нем Долинина и Кирпотина вызвало гнев критиков-сталинистов Заславского и Ермилова. Достоевский посмертно разделил судьбу Булгакова и Платонова, Зощенко и Ахматовой, Замятина и Мандельштама. Но, отвергнутый официальной общественностью, он оставался навсегда со своим народом. И не случайно в 50-е гг., сразу же после смерти Сталина, в период подготовки к 130-летию со дня рождения писателя началось возвращение нашей культуры к Достоевскому. Значение этого трудно переоценить. Со времени выхода десяти томного комментированного собрания сочинений Достоевского и осуществленных «Литературным наследством» томов, ему посвященных (хотя выход этих томов был надолго задержан тем же Ермиловым), в СССР начался новый этап широкого изучения и издания произведений Достоевского, который я позволю себе причислить к тем духовным явлениям нашей культуры, которые — при всей скромности нашей тогдашней работы — подготовили переживаемые нами сегодня процессы в области идеологии и культуры. Кроме коллектива сотрудников «Литературного наследства» и академического Полного собрания сочинений Достоевского я решился бы назвать в качестве активных участников этой работы в первую очередь Н. М. Чиркова (книги которого вышли, к сожалению, посмертно), В. Я. Кирпотина, Ю. Ф. Карякина, В. С. Нечаеву, внука писателя А. Ф. Достоевского, Б. В. Федоренко, Г. И. Смирнова, сотрудников музеев Достоевского в Ленинграде, Москве, Старой Руссе, Омске и Семипалатинске. Не следует забывать, что все эти люди в 70-е гг. — годы застоя — переживали немало трудностей в своей работе. Но при этом они проявили себя в качестве достойных и стойких защитников и пропагандистов гуманистических идей наследия Достоевского, внесли свой вклад в подготовку происходящего в СССР и других восточноевропейских странах процесса духовно-нравственной перестройки, стали — хотя и не в политической, а в духовной сфере — своего рода пионерами того нового мышления, к которому мы пришли на грани XX и XXI вв. При этом нельзя забывать, что тогдашние Нины Андреевы и предшественники экстремистов из «Памяти» чувствовали себя гораздо увереннее, чем сегодня (хотя и сегодня мы встречаемся нередко с их упорным и

зловным сопротивлением перестройке нашего мышления, которая идет в нашей стране и работа по развертыванию которой требует от всех нас в ближайшие годы еще больших усилий).

Достоевский с сочувствием относился к «париям» общества и людям «слабого сердца». Но ему был глубоко ненавистен образ Великого инквизитора, смотрящего на человеческую массу как на бессловесное «стадо» и считающего себя призванным, опираясь на силы «чуда», «тайны» и «авторитета», управлять и руководить этим глубоко презируемым им «стадом». Жизнь каждого человека — простое или сложное — представлялась Достоевскому величайшей нравственной ценностью. Признавая законность и необходимость отпора угнетению и несправедливости, писатель вместе с тем высоко ставил древнюю заповедь: «Не убий!». Иезуитскую мысль о том, что «цель оправдывает средства», он гневно отвергал как кощунственную, как величайшее нравственное зло. Неудивительно поэтому, что творчество Достоевского с его любовью к народу и отвращением к преступлениям «великих мира сего» не могло пользоваться симпатией Сталина и его окружения. И долг каждого из нас перед русской культурой и перед социализмом в его истинном, ленинском понимании состоит в продолжении нашей работы над изучением и пропагандой гуманистических идей писателя, столь созвучных переживаемому нами процессу обновления и перестройки нашего общества на началах дружбы свободных народов, мира и демократии.

Один из важных заветов Достоевского — его стремление к свободному диалогу людей разных убеждений, разных сословий и классов, разных культур, религий и национальностей, разных стран и континентов. Он глубоко интересовался «голосами» всех эпох и человеческих культур, людей разного характера и темперамента, разного общественного положения, разных идей и направлений. Его творчество отличается величайшей открытостью жизни и человеческой мысли — в том числе и тем ее проявлениям, которые на первый взгляд могут показаться и «странными» и резко необычными, «фантастическими». И при этом Достоевский отнюдь не был всеяден и беспристрастен. У него были *своя мысль*, свои прочные, выжитые им убеждения, которые он, при всех свойственных ему противоречиях и колебаниях, стойко отстаивал и защищал. Эта способность Достоевского понимать людей разной мысли и разного жизненного опыта, охарактеризованная М. М. Бахтиным как его своеобразный «диалогизм», созвучна нашему сегодняшнему стремлению к открытому и честному диалогу со всем человечеством.

Творения Достоевского — важнейшая веха в истории культуры славянских народов и в истории русского национального самосознания. Христианская легенда, древнее житие, апокрифические сказания, народный духовный стих оказали мощное влияние на его творения. Но, тесно связанное с культурой Древней Руси, творчество Достоевского было не менее тесно сопряжено с русской культурой нового времени, с опытом исторической, нравственной и художественной жизни всех народов земли. Ученик Пушкина и Гоголя, Достоевский испытывал глубокий интерес к Данте, Сервантесу, Шекспиру,

Шиллеру, Бальзаку, Диккенсу, открыл для России Эдгара По, напечатал в качестве приложения к журналу «Время» роман Р. Хильдрета, изучал страницы книг Бомонта и Токвиля, посвященные анализу социально-экономической, политической и культурной жизни Соединенных Штатов XIX в. — так поразительно широк был диапазон его культурных и общественно-политических интересов.

Признавая Пушкина своим учителем, великим поэтом-пророком, Достоевский благодаря своему могучему таланту открыл для художественного творчества новые исторические горизонты. Он постоянно двигался в своем искусстве вперед от малых романов и повестей к великим прозрениям «Преступления и наказания», «Бесов» и «Братья Карамазовых», предвосхитив художественные достижения XX в. Великий русский романист сочетал в своем искусстве глубочайший реализм и фантастику, философию и гротеск, ораторскую проповедь и фельетон, изображение высочайших трагедий человеческого духа и глубокое познание настроений жизни русского города и деревни. Он страстно пережил всем своим сердцем и умом все то, чем тысячелетиями жили Россия и человечество, предрекая новые пути для будущего. Без поразительно смелых творческих дерзаний Достоевского мировая литература XX в. и, в частности, наша сегодняшняя отечественная литература немислимы.

В знаменитой статье «Среда», опубликованной 8 января 1873 г. в № 2 газеты-журнала «Гражданин» в качестве третьей главы первого своего «Дневника писателя», Достоевский страстно провозглашает и защищает как одну из коренных основ своего мировоззрения идею свободы личности. Достоевский резко противопоставляет при этом идею свободы личности, как он ее понимает, принципу волюнтаризма. Свобода личности, по Достоевскому, — отнюдь не вседозволенность, не свобода делать, что хочешь. Напротив, она неразрывно связана с идеей глубочайшей нравственной ответственности каждого человека перед всем миром и другими людьми за свои мысли и поступки. Именно идея ответственности личности за все то, чем она является и что она совершает в своей жизни, служит для Достоевского нравственно-философским обоснованием утверждения принципа свободы человека.

«Делая человека ответственным, — так формулирует свою мысль Достоевский, — христианство тем самым признает и свободу его» (21, 16). Отсюда следует, что идея ответственности личности перед миром и перед другими людьми, по мысли писателя, *предшествует* идее свободы личности и вместе с тем служит ее конечным обоснованием. Личность, по убеждению Достоевского, всегда ответственна перед обществом, природой, вселенной, перед прошлым, настоящим и будущим. И именно то, что ни она сама, ни другие люди не имеют права снять с нее этой ее ответственности, заставляет нас постулировать свободу и автономность личности.

Таким образом, человек сам держит в руках свою судьбу и в любых условиях обязан нравственно сам отвечать за себя. Именно в этом в первую очередь и состоит, по Достоевскому, свобода личности. Делая зло, а не добро, человек поступает так в конечном счете не под

влиянием одних внешних условий, но и вследствие того, что насильственно нарушает начертанный в его душе неизгладимыми письменами закон Добра и Справедливости. Ибо последней инстанцией, к которой он апеллирует при совершении любого поступка — хорошего или дурного, является его воля. *Не существует ни безвольного зла, ни безвольного добра.* Всякое решение и всякий поступок суть определенное волеизъявление, а потому делают личность ответственной перед законом Правды и Справедливости.

Статья «Среда» имеет форму фельетона, поводом для написания которого явились отраженные текущей периодической прессой многочисленные в начале 70-х гг. XIX в. случаи вынесения в России присяжными оправдательного приговора в судебных заседаниях, где разбирались гражданские и уголовные дела, несмотря на то что подсудимые (как видно было из хода следствия и суда) были явно виновны в преступлениях, в которых они обвинялись. При этом мотивом, весьма распространенным для оправдания преступника, служили разного рода теории, которые перекладывали ответственность с преступника на несправедливое, уродливое устройство общества, толкнувшее подсудимого на преступление как на форму «бунта» против искалечившей и враждебной ему «среды». «Ведь этак малопомалу придем к заключению, что и вовсе нет преступлений, а во всем „среда виновата“. Дойдем до того, по клубку, что преступление сочтем даже долгом, благородным протестом против „среды“. „Так как общество гадко устроено, то в таком обществе нельзя ужиться без протеста и без преступлений“, — писал автор «Дневника писателя». — „Так как общество гадко устроено, то нельзя из него выбиться без ножа в руках“, — формулировал он (не без оттенка некоторой стилизации сути заявлений представителей адвокатуры и созвучных им настроений присяжных): — Ведь вот что говорит учение о среде в противоположность христианству, которое, *вполне признавая давление среды* (курсив мой. — Г. Ф.) и провозгласивши милосердие к согрешившему, ставит, однако же, нравственным долгом человеку борьбу со средой, ставит предел тому, где среда кончается, а долг начинается < . . . > Делая < . . . > человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить. Ведь этак табу человеку захочется, а денег нет — так убить другого, чтобы достать табу. Помилуйте: развитому человеку, ощущающему сильнее неразвитого страдания от неудовлетворения своих потребностей, надо денег для удовлетворения их — так почему ему не убить неразвитого, если нельзя иначе денег достать? Да неужели вы не прислушивались к голосам адвокатов: „Конечно, дескать, нарушен закон, конечно, это преступление, что он убил неразвитого, но, господа присяжные, возьмите во внимание и то. . .“ и т. д. Ведь уже почти раздавались подобные голоса, да и не почти. . .» (21, 16).

Было бы ошибочно сводить сегодня смысл идей, изложенных Достоевским в статье «Среда», только к полемике его с русским поре-

форменным судом и либеральной адвокатурой 70-х гг. Теория «среды», ставшая к этому времени одной из разновидностей «уличной философии» (пользуясь одним из любимых выражений Достоевского и Салтыкова-Щедрина), превратилась в те годы в одну из неотъемлемых составных частей философии позитивизма, вульгарного материализма, либерально-буржуазной общественной мысли. В различных формах ее развивали такие популярные на Западе мыслители эпохи, как О. Конт и Г. Спенсер, А. Кеттле, К. Фохт и Я. Молешотт, Тэн, братья Гонкуры и Золя, а в России — публицисты «Русского слова» В. А. Зайцев и Д. И. Писарев. Вот почему полемику Достоевского против теории «среды» никак нельзя рассматривать всего лишь с отвлеченно теоретической точки зрения, квалифицируя ее при этом как выражение собственного ему идеалистического представления о свободе воли.

Начиная с «Записок из Мертвого дома» и вплоть до конца своей жизни, Достоевский твердо отстаивал ту мысль, что, как бы ни были весомы внешние мотивы, которые толкают человека на преступление, на моральное или физическое самоубийство, все же в конечном счете *бремя ответственности за человеческие поступки лежит на самом человеке*. Человек не свободен от влияния внешних условий жизни. Согласно приведенным выше словам писателя, «давление среды» существует. Однако человек не должен становиться бессильным «штифтиком», «фортепьянной клавишей», послушно выполняющей волю «среды». Он рожден для того, чтобы стать личностью, а это означает, что ему не подобает уступать пассивно воздействию среды, следует хранить свою духовно-нравственную свободу и самостоятельность по отношению к ней, мыслить и действовать согласно законам не внешней, чуждой ему, а своей собственной человеческой природы, которая органически включает в себя потребности Красоты, Правды и Справедливости. Растоптать в себе эти высшие начала жизни, пожертвовать ими требованиям «среды» — значит убить в себе человека.

Мысль о нравственной свободе как основе человеческой личности зародилась у Достоевского уже в 1840-х гг. Человек может до того слиться с существующим злом и несправедливостью, что склонен почувствовать себя всего лишь грязной «ветошкой», — это сравнение приходит в голову уже первым персонажам Достоевского — Макару Девушкину и господину Голядкину. Но даже наиболее униженный, исковерканный обществом человек никогда не в силах смириться с таким положением вещей. «Человек-ветошка» — существо далеко не безответное. В скрытых складках его души таится мощный порыв к «восстановлению погибшего человека». Этот порыв может привести и к дикой, мстительной злобе, шутловству, саморазрушению — и к обновлению, к укреплению в душе человека ростков высшей красоты и человечности. По какому из этих двух путей суждено пойти герою Достоевского, зависит от него самого. В стремлении отстоять себя от стирающей его в порошок внешней среды он может сойти с ума или погибнуть, как Девушкин и Голядкин, может стать шутом и буффоном, как Ползунков, может стать безответной жертвой своего «слабого сердца», как герой одноименной повести Вася Шум-

ков или Катерина в «Хозяйке», но может стать и благородным «мечтателем» — героем «Белых ночей», воспитать в борьбе с враждебными ему внешними условиями в себе чистую, независимую и гордую человеческую личность, как Нечочка Незванова.

Но беда состоит не только в том, что внешние обстоятельства жизни человека эпохи цивилизации бесчеловечны и их давление зачастую может превысить заложенную в нем самом от природы силу сопротивления. Между миром, окружающим человека, и его внутренней жизнью, его характером, сознанием, нравственными побуждениями существует глубокая диалектическая взаимосвязь. В условиях извращенного и деформированного внешнего мира в душе человека возникает внутреннее подобие этого извращенного мира — унижительное, темное «подполье». Так в мире Христа рождается антихрист. Герой превращается в «антигероя» (5, 178). И на него ложится задача не только победить давление среды, но и поразить насмерть своего мрачного двойника, антигероя, выдающего себя за героя, — антигероя, присвоившего светлый человеческий образ героя для того, чтобы, всячески истерзав его, погубить и надсмеяться над ним.

Будем же помнить всегда, что ответственность за судьбы мира лежит и сегодня на каждом из нас и что наша задача, осознавая единство и взаимосвязь всех людей нашей планеты, к каким бы различным общественным укладам, религиям и национальностям ни принадлежали страны, в которых мы живем, и как бы ни различались друг от друга многие из наших убеждений, — смело, открыто и честно вести между собой мирный диалог, обсуждать коллективно волнующие нас идеи и проблемы, с глубоким уважением относиться к личности и к мнению каждого из участников этого диалога. Не будем смотреть лишь на себя одних как на людей, знающих правду в последней инстанции, а тем более как на бессильные «винтики» и «рычаги» или «фортепьянные клавиши», слепо повинующиеся воле обстоятельств, а как на людей, каждый из которых уважает человеческое достоинство, внутреннюю свободу и мнение другого человека. Постараемся, чтобы наше глубокое и искреннее желание добра и правды помогло нам в росте нашего взаимопонимания, в содействии росту сознания нашего общества в духе гласности и демократизма, торжества принципов мира, социальной справедливости, нравственного уважения к человеку. Ибо «найти человека в человеке» — таков был в понимании Достоевского высший долг писателя и человека, которому и мы да пребудем верны в наших сегодняшних исканиях.